
ИДОЛЫ И ИДОЛОПОКЛОННИКИ: КРАХ ЛИБЕРТАРИЗМА

Статья вторая

Хасбулатов Р. И.

член-корреспондент РАН, д. э. н., проф.,

зав. кафедрой мировой экономики РЭУ

им. Г. В. Плеханова.

E-mail: hasbulatov@rea.ru

Глобальный кризис 2008–2010 гг. не только выявил внутренние слабости капитализма как саморегулирующейся системы, но и необычайно усилил критику капитализма как общественной системы. Впервые после исчезновения мирового социализма и торжества капитализма возникли самые серьезные основания считать, что современный капитализм таит угрозу для общества и что он далек от совершенства. Все участники мирового экономического сообщества сходятся во мнении, что необходима коренная перестройка самих оснований международных хозяйственно-финансовых отношений. В статье дается оценка существующих подходов и предлагаются новые решения.

Ключевые слова: социальные революции, реформация, «Вашингтонский консенсус», классический либерализм, кейнсианство, неокейнсианство, монетаризм, либертарианство, кризис, депрессия.

The global crisis of 2008–2010 has not only revealed the internal weakness of capitalism as a self-regulated system but also has immensely intensified the criticism of capitalism as a social system. For the first time after the world socialism disappearance and the capitalism triumph there have appeared the most serious grounds to think that modern capitalism poses a threat for society and that it is far from perfect. All the participants of the world economic community agree that there is a need of crucial reorganization of the very fundamentals of the international economic and financial relations. In the paper the existing approaches are estimated and new solutions are suggested.

Keywords: social revolutions, reformation, 'Washington consensus', classical liberalism, Keynesianism, neo-Keynesianism, monetarism, libertarianism, crisis, depression.

Расцвет кейнсианства

Своего расцвета кейнсианское направление экономической мысли достигло в послевоенные десятилетия, когда, во-первых, окончательно утвердилась идея о том, что попытки влиять на общий воспроизводственный процесс, не говоря уже о ситуациях депрессий и кризисов, исключительно методами частных агентов не дают успеха; и, во-вторых, разрушительные проблемы, возникшие в десятках стран мира после катастрофических последствий Второй мировой войны, не мог-

ли быть решены без самого активного и непосредственного участия государства. И в отличие от либеральных концепций кейнсианство разработало широкий набор новых способов, воздействующих на экономику в целях стабильного экономического развития, полной занятости и общественной справедливости. Были тщательно описаны технические способы государственного вмешательства в экономику, в том числе формы перераспределения доходов, фискальные и бюджетные инструменты проведения антициклической политики. Таким образом, после Второй мировой войны «кейнсианская революция» стала играть решающую роль в развитии смешанной экономики. Одновременно надо отметить и то обстоятельство, что в таких крупных европейских странах, как Франция, Германия и Италия, издавна сложились традиции активного вмешательства государства в экономику (как, впрочем, и в России XVIII–XIX вв.). На базе расцвета кейнсианской политики окреп средний класс во всех развитых странах капиталистического мира. Он включал в себя широкие социальные страты: высококвалифицированных рабочих, инженеров и служащих капиталистических фирм и государственного сектора, фермерство, собственников мелких предприятий, учителей, врачей, служащих государственного аппарата и муниципальных учреждений, офицерство, людей творческих профессий. Все эти группы стали составлять в структуре населения от 75 до 80 %. В России же в период «реформаторства», по выражению Гайдара, было объявлено, что «средний класс – это бизнес, а все эти бюджетники – это иждивенцы» («быдло», как говаривали между собой эти неандертальцы).

Кризис кейнсианства

В 70-е гг. XX в. мировой капитализм столкнулся с мощными факторами торможения. США в 1971 г. окончательно отказались от жесткой привязки доллара к фиксированному золотому паритету (1 доллар – 31 тройская унция золота), темпы роста экономики приостановились повсюду (кроме Японии), росла безработица. Нефтяной кризис как следствие арабо-израильской войны 1973 г. создал дополнительные трудности для капиталистических стран, осложнив производственный процесс (внезапное удорожание всех факторов производства). В 1976 г. в Ломе на международной финансовой конференции были похоронены многие конструкции международной финансовой системы капиталистического мира, утвержденные в Бреттон-Вудсе в 1945 г. (МВФ и Всемирный банк обнаружили беспомощность в регулировании международной финансовой системы). Неустойчивость все тревожнее наступала на мировые капиталистические центры. Все эти годы, когда умножались трудности и противоречия экономического развития в группе развитых стран, были использованы все кейнсианские и некейнсианские рычаги воздействия на кризисные ситуации, но они оказывали или кратковременный эффект, или вообще не давали позитивного результата.

Стало очевидным, что кейнсианство столкнулось с новыми проблемами, для решения которых оно более не является адекватным. Была необходима реконструкция как самих основ кейнсианства, включая вопросы экономической роли государства, так и проблем, связанных с мощным укреплением позиций европейского корпоративного капитализма, который был недоволен чрезмерным ростом госсектора. К тому же значительно расширившийся государственный сектор экономики стал угнетающе воздействовать на конкурентные механизмы, суживал

сферы деятельности частных фирм, приводил к бюрократизации государственного менеджерства и расточительству.

Другое обстоятельство: к концу 70-х гг. серьезно укрепился (с помощью государства) европейский корпоративный частный сектор экономики, который уже вполне справлялся на национальном рынке, вбрасывая огромные объемы товаров и услуг, – ему же не нужны были (ранее необходимые) *прямые формы* государственного регулирования. Соответственно следовало усилить (расширить, разнообразить) арсенал *косвенных инструментов, прежде всего денежных, финансовых – то есть монетарных рычагов регулирования спроса и предложения с целью динамизации рыночных сил и механизмов*, и сокращать (но не ликвидировать) государственный сектор экономики. Вот в такой обстановке и наступил звездный час монетаризма, который предлагал легкие решения: приватизировать госсектор, снять все барьеры перед экспансией корпораций и банков, снизить налоги с них и т. д. К такой политике приступили все развитые страны с начала 80-х гг., отказавшись от кейнсианства как методологии экономической политики. Монетаризм, безусловно, дал дополнительные возможности для усиления крупных банков и корпораций, это факт. Но он же стал разрушителем среднего класса и государства всеобщего процветания. Он в громадной степени способствовал дифференциации западных обществ, привел к деградации духовно-нравственных ценностей, заменив их суррогатами потребления и бесконечной погоней за денежным успехом; способствовал отставанию развивающихся стран от развитых центров капитализма. И в целом подвел мировой капитализм к опасной черте, разрушив равновесие системы.

С точки зрения современной ситуации важными представляются следующие выводы Кейнса: во-первых, он доказал, что Великая депрессия навсегда завершила эпоху свободного и неконтролируемого развития капиталистической экономики – свободный рынок не справляется далее с задачами воспроизводства. Чтобы не погибнуть, вся экономическая система должна опираться на государство. Во-вторых, государство должно активно влиять на все экономические процессы с целью не допустить в дальнейшем мощных кризисных спадов и депрессий, разрушающих результаты деятельности целого поколения людей в разных странах (деградация производительных сил). Это связано с органическими преимуществами государства, поскольку только оно способно в отличие от единичного частного инвестора пренебречь соображениями нормы прибыли и ее соотношения с нормой процента. *Государство способно руководствоваться принципом социальной, а не экономической (рыночной) целесообразности*, то есть тем, что является непозволительной роскошью для единичного субъекта (отдельного предпринимателя и отдельного потребителя). Например, в условиях депрессии (кризиса) предприниматель не будет заниматься дополнительным инвестированием – он попросту боится потерять деньги. Поэтому он не будет рисковать своими деньгами. Но, однако, при таком подходе стагнация перерастет в национальную катастрофу. Альтернативой может быть только государство – и это единственный выход, чтобы обеспечить успешное развитие.

Либертаризм: монетарная экономическая политика М. Фридмена и российский контрреформаторы-неандертальцы

Но такие выводы устраивали не все общественные силы западных стран. Постоянными противниками усиления государственного регулирования экономики

выступали представители неоклассического направления экономической школы (неолибералы, или новые либералы). Наибольших успехов в этом наступлении на государство и в целом на кейнсианскую теорию добилась Чикагская школа (школа Чикагского университета), основателем которой явился известный экономист профессор Милтон Фридмен. Фридмен и его последователи, во-первых, решительно отвергали экономическое вмешательство государства. Во-вторых, они исходили из той предпосылки, что экономика частного предпринимательства устойчива и обладает собственными ресурсами, чтобы справиться с любыми потрясениями без помощи государства. В-третьих, они усовершенствовали механизм запуска инвестиционного мультипликатора Кейнса, исходя при этом из необходимости жестко контролировать денежную массу. Отсюда они сделали вывод о том, что макроэкономическая политика в интерпретации Кейнса вообще не нужна для современного капитализма.

Но вплоть до середины 70-х гг. позиции кейнсианства были непоколебимы. И лишь в результате «нефтяных шоков» 70-х правящие круги Запада приступили к демонтажу кейнсианских институтов регулирования. Началась «неолиберальная волна», постепенный демонтаж самого социального государства и восстановление нерегулируемой деятельности крупных корпораций и банков. Приведем лишь некоторые показатели, иллюстрирующие ситуацию в сравнительном аспекте. Доля в национальном доходе 0,1 % богатейших людей США за 25 лет (1980–2005 гг.) выросла в 3 раза, налог на сверхвысокие доходы снизился с 70 % до 28 % (при Рузвельте он был поднят до 80 %, а в 1955–1965 гг. удерживался на уровне 60 %). Соотношение средней зарплаты топ-менеджера и рабочего в корпорациях США поднялось с 30:1 до 500:1, реальная зарплата рабочих снизилась на 10 % при росте производительности труда вдвое, число граждан США, не имеющих медицинской страховки, выросло до 44 %.

Неолиберализм, особенно в его монетарной форме (названный П. Самуэльсоном либертаризмом как радикальной формой либерализма), затормозил динамику мирового хозяйства и резко перераспределил богатства в пользу ничтожно-го меньшинства – и развитых, и развивающихся, и переходных. *Либертаризм – это откровенная победа меньшинства над большинством за счет общего снижения эффективности экономики и перераспределение богатства в пользу самой богатой части общества.* Совокупный темп роста мирового хозяйства составил в 60-е гг. 3,5 %, в 70-е – 2,8 %, в 80-е – 2,1 %, в 90-е гг. – 1,8 %. Тезис неолибералов-либертарианцев, что «обогащение богатых будет выгодно большинству», оказался ложным – даже если не учитывать цинизма, с которым либертариисты-монетаристы соблазнили средний класс пренебречь интересами «слабых». В результате наметилась тенденция размывания среднего класса, когда его нижние границы стали перемещаться к границе маргинальной страты общества.

Под давлением произвольного толкования неолиберализма в культуре Запада все больше стал доминировать собственнический индивидуализм, позже перенесенный на постсоциалистическое пространство. Премьер Великобритании Тэтчер, например, заявила, что не существует *«такого явления, как общество, существуют только отдельные мужчины и женщины»*. Это вульгарное толкование общества, которым, кстати, стали восхищаться некоторые «либеральные круги Москвы». Фактически была утверждена полная автономия экономики от морально-этических ценностей. М. Фридмен декларировал: *«Позитивная экономическая*

теория есть или может быть объективной наукой в том же самом смысле, что и любая естественная наука». Примечателен спор премьер-министра Швеции Улофа Пальме с Фридриком Хайеком, который сказал в 1984 г. на конференции в Гамбурге, что для существования рыночной экономики необходимо, чтобы люди освободились от некоторых природных инстинктов, среди которых он выделил чувства «человеческой солидарности и сострадания». Пальме с возмущением отреагировал, назвав эту идею консервативной контрреволюцией против социального и демократического развития последних шестидесяти лет. В своем тогдашнем выступлении Хайек призвал неолиберализм превратить человека в новый биологический вид. Как метко заметил С. Кара-Мурза, то, о чем мечтал Фридрих Ницше, создавая образ сверхчеловека, находящегося «по ту сторону добра и зла», попытались сделать реальностью в конце XX века. Эти антигуманистические идеи и насаждались в России – нагло, жестко и с презрением к народу. Конечно же, не было никаких оснований принимать эту идеологию в качестве методологической базы экономической политики, против этого категорически выступали Съезд народных депутатов Российской Федерации – высший орган власти в стране – и Парламент – Верховный Совет во главе с его Председателем. Президент и правительство обязаны были подчиниться этим требованиям и внести существенные коррективы в реформаторский процесс. Но они, эти новые неандертальцы, сознательно, дерзко и вызывающе вышли за пределы Закона и взяли курс на осуществление двух жестоких для общества стратегических задач.

Первая задача неандертальцев – это не реорганизация экономики, а ее уничтожение, поскольку она, согласно видению этих неандертальцев, была «социалистической». И поэтому, чтобы в корне пресечь саму возможность «возвращения к социализму», надо было уничтожить заводы, фабрики, машиностроение, сельхозпредприятия и пр., поскольку они были «социалистическими». Таким образом, речь шла просто о разрушении, а вовсе не о «созидательном разрушении», о желательности чего писал Йозеф Шумпетер, имея в виду процесс не уничтожения, а трансформации экономической системы.

Вторая задача неандертальцев – это попытка перевода всех сторон жизни общества на рыночные отношения в ускоренном темпе по сценариям «Вашингтонского консенсуса», идеи которого насаждались в правительственной политике под непосредственным контролем американских консультантов (кстати, весьма посредственных, как я убедился по собственным беседам с ними). Это была абсолютная утопия, нигде в мире не имевшая даже опытного образца. Но все дело в том, что Россия того периода сама рассматривалась МВФ и Министерством финансов США как опытный полигон – почему не попытаться провести здесь еще один губительный эксперимент? Это была настолько вызывающая политика (антиполитика!) неолибералов-неандертальцев, что она вызвала возмущение даже в рядах авторитетной части американской профессуры. Например, Дж. Гэлбрейт сказал об этой деятельности следующее: «*Говорящие о возвращении к свободному рынку времен Смита неправы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить*». В таком же духе неоднократно высказывались профессора П. Самуэльсон и Стивен Коэн.

«Психическое отклонение клинического характера» – вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными учеными-экономистами, не имеющими причин лгать. Но российское общество – это странное общество. Политика обанкротилась дважды – в 1998 г. и в 2009 г. Экономика рухнула, множество людей живут впроголодь, некоторые просто вымирают. А виновники всего этого и их последыши – во власти. И утверждают, что они работают во имя интересов народа. И что странно, общество верит этим мошенникам, пожирающим их жизнь.

Таким образом, в огромной стране, которая по уровню развития (экономического, производственно-технологического, научного и культурного) находилась на 2–3-й позиции среди стран мира, далеко опережая добрую половину стран – современных членов Евросоюза, произошла в буквальном смысле, во-первых, гигантская *социальная катастрофа!* Во-вторых – *деиндустриализация*. И эти явления до сегодняшнего дня не получили ни своего научного анализа, что является попросту позорным фактом для российской общественной науки, ни заслуженного презрения своего народа. А участники-организаторы этой катастрофы, и прежде всего Ельцин, а также его подручные (Гайдар, Черномырдин, Чубайс и их ученики из ряда учебных и научных подразделений) всячески восхваляются как «выдающиеся государственные деятели, давшие свободу российским народам», обеспечившие «реформы». Историческая истина состоит в обратном: Ельцин, во-первых, отнял свободу у народов России, во-вторых, ельцинисты – контрреформисты, уничтожившие российскую экономику. Ельцинисты восхваляют недотепу Гайдара, послушно выполнявшего команды МВФ по внедрению «Вашингтонского консенсуса», и других организаторов этой катастрофы из «команды Гайдара» (Чубайс), а их «серенькие ученики» составили базу финансово-экономического блока правительства Путина. Первое десятилетие XXI в. аналитики уже назвали «потерянным десятилетием», когда не была решена ни одна серьезная задача в области экономики; этим страна обязана именно верным продолжателям «курса реформ» по Ельцину – Гайдару – Черномырдину – Чубайсу. Дело чести российских обществоведов – организовать специальное исследование причин и обстоятельств указанной производственно-экономической и социальной катастрофы, дать объективную оценку эпохе ельцинизма 1990-х гг., да и первому десятилетию XXI в.

Дж. М. Кейнс, несомненно, спас капиталистическую систему от полного крушения – оно ожидалось и предсказывалось многими исследователями и даже политиками в самих западных странах в те годы. В результате в течение по крайней мере 50 лет после Великой депрессии активное участие государства в экономической жизни трактовалось не только большинством ученых-экономистов, но и государственными деятелями и демократическими партиями как необходимый и уже встроенный элемент общественного развития. В эти десятилетия государственные предприятия весьма успешно функционировали в разных отраслях экономики почти всех стран Западной Европы – от атомной, авиационной и автомобильной промышленности до рекламы (Франция). Даже в США, несмотря на безусловную приверженность большинства населения принципам свободного предпринимательства, значительная часть общества стала воспринимать активное регулирующее вмешательство государства в хозяйственно-финансовые процессы как данность и необходимость. Государство взяло на себя ответственность за уменьшение масштабов бедности в стране, развитие образования и здравоохране-

ния, предоставление многих других социальных услуг. Оно стало проводить все более активную макроэкономическую политику, причем как косвенными мерами, так и нередко мерами административного характера. Провозглашенная президентом Л. Джонсоном задача построения «великого общества» по своей социальной сущности мало чем отличалась от государственных программ в социалистических странах. Совокупные расходы государства в процентном отношении к ВВП в большинстве развитых стран достигли к концу 1970-х – началу 1980-х гг. огромных размеров – от 57 % в Швеции и Дании, 52 % – во Франции и Германии, 46–47 % – в Италии и Греции, 45 % – в Канаде, 37 % – в Великобритании, 34 % – в США и 31 % – в Японии.

Вместе с тем многие экономисты и политики уже тогда видели издержки чрезмерного вмешательства государства в экономику, которые проявлялись еще в 1970-е гг. Сокращалась база конкуренции, бюрократизованный государственный сектор становился обузой для общества. Возникла потребность в приватизации и новых подходах в экономической политике. Интуитивно потребность в новых идеях, обогащающих кейнсианские подходы, особенно в части финансово-денежного и кредитного механизмов, чувствовали и государственные деятели, и экономисты-теоретики. Наступила эпоха великой приватизационной войны, начатая, кстати, лейбористским правительством Великобритании в 1978 г., незадолго до своей отставки. Правительство консерваторов во главе с М. Тэтчер в 1979 г. решительно встало на путь денационализации (приватизации) государственного сектора – отсюда эта волна прокатилась по всему миру, затронув большинство развивающихся стран. В США эта политика была осуществлена в 1940–1950-е гг. Американские корпорации, окрепшие в ходе Второй мировой войны, не нуждались в *прямых формах* госрегулирования – в той мере, в какой это было необходимо в Западной Европе.

Новый либерализм (либертаризм) – международный монетаризм

Отметим, что значительную роль в обосновании необходимости смены кейнсианской парадигмы экономической политики на старые, традиционные либеральные ценности сыграли работы экономиста Фридриха Хайека «Дорога к рабству» (1944 г.), «Конституция свободы» (1960 г.) и особенно монографическое исследование профессора Чикагского университета (Чикагская школа) Милтона Фридмена «Капитализм, свобода и демократия» (1962 г.). Автор доказывал необходимость возвращения к основным инструментам традиционного регулирования в духе свободного капитализма XVIII–XIX вв., вплоть до начала Великой депрессии, и переноса тяжести на финансово-кредитные инструменты. Работа сопровождалась многочисленными (бухгалтерскими) расчетами относительно преодоления инфляции, достижения сбалансированного бюджета и «сжатия» государственных расходов.

На основе своих исследований (в соавторстве с профессором А. Шварц), корректность которых далеко не бесспорна, Фридмен выдвинул концепцию «перманентного дохода». Суть ее состоит в том, что потребитель действует согласно плану расходования своих денег в течение определенного временного периода независимо от того, отклоняется ли его текущий доход от запланированных расходов. Это обстоятельство предопределяет тот факт, что спрос на деньги является *величиной устойчивой*. В то же время предложение денег, которое связано с поли-

тикой Центрального банка (и множеством других факторов), является *величиной неустойчивой*. Расхождения, возникающие между спросом и предложением денег, обуславливают возникновение циклических реакций. Отсюда решающая роль изменения денежной массы в качестве первопричины, порождающей цикл и динамику его движения [Fridman, Schwartz 1963]. Такова логика рассуждений Фридмана и его сторонников. При этом реальный сектор, его состояние не волнуют этих теоретиков, соответственно основным параметром стабилизационной политики должен стать объем денежного предложения. Денежная масса при этом должна увеличиваться теми же темпами, которыми растет выпуск продукции. Например, если производство обеспечивает рост выпуска продукции для рынка в объеме 3 %, то и денежная масса должна увеличиваться на эти же самые 3 %. Это основное монетарное правило у Фридмана.

Это утверждение также не представляется бесспорным, поскольку в каждой национальной экономике исходная денежная масса по отношению к объему внутреннего рынка сильно отличается и соответственно трудно говорить об универсальности этой формулы. В большинстве случаев следование этой концепции приводило к блокированию развития реального сектора и сужению емкости рынка. Это произошло в России и других странах – участниках СНГ. Соответственно приходится во избежание товарного голода открывать шлюзы для притока иностранных товаров (которые при другой политике, в частности кейнсианской, легко можно было бы обеспечить за счет отечественного производства). Другое следствие такой политики – сохранение высоких цен на потребительские товары и продукты питания. И первый, и второй результаты такой монетарной политики способствуют не только блокированию экономического роста, но и процессам монополизации, что одновременно больно бьет по мелким товаропроизводителям (малому бизнесу).

В то же время работы монетаристов усилили внимание к анализу роли денежных факторов, что представлялось позитивной тенденцией в экономической теории и политике. *Но бездоказательное утверждение о негативной роли экономического вмешательства государства как некоей аксиомы, попытки обосновать необходимость сокращения государственных социальных расходов и ограничить естественные для современного государства его социальные функции делает позитивный вклад этой теории как методологии экономической политики не только ограниченным, но и опасным.* К такому выводу пришел, например, Пол Самуэльсон [1998]. При этом совершенно необоснованным был постулат «новых либералов», требующих передать социальные отрасли, в частности здравоохранение, образование, ЖКХ, в сферу предпринимательской деятельности. Это положение, как представляется, изначально было существенно неверным. И попытки его «введения» в России уже обернулись их катастрофической деградацией, когда они пожирают все больше ресурсов, а проблемы обостряются.

Первое последствие. Вторжение предпринимательства в чисто социальную сферу, которой органически чужды бизнес-отношения, вызывает стремление крупного капитала взвинтить цены на «услуги» в этой сфере до уровня прибыльности своих операций, а это возможно только при одном условии – через мощный перелив в нее государственных средств. Это обстоятельство порождает устойчивую инфляционную тенденцию, против которой якобы направлено основное инструментальное оружие монетаризма. И этот **побочный аспект** монетарной по-

литики остается вне внимания тех государственных деятелей, которые проводят данную политику – они делают вид, что не монетарная политика, которая до бес взвинчивает цены и тарифы на осуществление социальных функций государства, выступает главным источником инфляции.

Второе последствие. Искусственное превращение органически присущих любому государству социальных функций в обычные товарные отношения непосредственно ведет к нарастанию социальных противоречий. При этом обнаруживается очевидный эффект – инфляционное давление (о чем говорилось выше), возникающее через искусственный приток громадных финансовых ресурсов, без которых частный капитал не может функционировать в социальной сфере.

Третье последствие. Это приводит к громадному удорожанию лечения, образования, культуры и т. д. Этот подход можно считать частично верным, но исключительно в отношении развитых стран, в которых на протяжении столетий существуют отдельные особо привилегированные и престижные университеты, частная практика здравоохранения и т. п. Но в целом социальная сфера – это сфера исключительной деятельности государства, региональных и муниципальных органов власти. Учреждения, службы и предприятия должны действовать здесь под их контролем.

Идеи М. Фридмана стали постепенно распространяться в западных обществах по мере того как практические конструкции «государства всеобщего благоденствия» – прямой результат кейнсианской политики – стали разрушаться, а кейнсианская политика свертывалась. Это стало происходить, как было отмечено выше, в основном с конца 70-х – начала 80-х гг. XX в. Соответственно стал подвергаться деформациям и средний класс, его нижние границы все теснее соприкасаются с маргинальными стратами (с беднотой).

Литература

Самуэльсон П. Экономика: в 2 т. Т. 2. М., 1998. (Samuelson P. Economics: in 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1998).

Fridman M., Schwartz A. Monetary History of the United States. New York, 1963.